

DOI 10.35775/PSI.2024.107.7.010

УДК 32

Д.А. АЙРАПЕТЯН

специалист лаборатории проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления, аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС
при Президенте РФ, Россия, г. Ростов-на-Дону

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА К ПОСТКАПИТАЛИЗМУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА КАК СУБЪЕКТА ВЛАСТИ В ЭПОХУ ЦИФРО-СЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена анализу трансформации государства как ключевого субъекта власти в условиях перехода к посткапиталистической формации, обусловленного стремительным развитием цифровых и сетевых технологий. Автор исследует влияние процессов цифровизации и сетевизации на традиционные механизмы осуществления политической власти, а также на возникновение предпосылок для преодоления ограничений позднего капитализма и становления новой системы производства и распределения общественных благ. В работе приводятся конкретные примеры воздействия современных информационно-коммуникационных технологий на процессы социальной координации, государственного управления и политического взаимодействия. Особое внимание уделяется взаимосвязи между развитием цифро-сетевых технологий и трансформацией властных субъектов, в первую очередь, института государства. Автором отмечается, что технологические перемены генерируют «цифро-сетевой трек» развития государственных институтов и пророчат две инновационные модели дальнейшей институциональной эволюции: «цифровое государство-платформа» и «сетевое государство». На основании компаративного анализа автор приходит к выводу, что каждая из моделей имеет потенциал для преодоления противоречий позднего капитализма и постепенного перехода к посткапиталистической системе, однако ни один из сценариев «цифро-сетевого трека» развития государства не является утопическим и каждый из них имеет противоречия и риски политической несостоятельности.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, институты, государство, сетевые платформы, ИИ, посткапитализм, политические процессы.

Стремительное развитие цифро-сетевых технологий и искусственного интеллекта (ИИ) в начале XXI века привело к значительным изменениям во всех сферах общественной жизни, включая политику. Традиционные институты и механизмы осуществления власти подвергаются сегодня трансформации под влиянием формирования шестого технологического уклада [13. С. 35-50]. В этих условиях особую актуальность приобретает исследование институциональных изменений политических процессов и метаморфоз центрального

субъекта власти в контексте становления посткапиталистического общества, горизонты которого постепенно становятся все отчетливее.

По мнению экспертов «Российского совета по международным делам» Ч. Хуашэна и А. Кортунова [8], примерно, к 2035 г. значительная часть населения планеты будет жить в условиях, которые можно назвать «постинформационной экономикой», обусловленной процессами цифровой трансформации и сетевизации. Исходя из этих объективных технологических перемен, можно предположить, что цифровизация со временем приведет к комплексному реформированию глобальной системы, к переходу на новый способ производства, где информация не будет являться чем-то исключительным и дефицитным, а феномен повышения роли знания и цифровых массивов данных в экономике начнет постепенно отрицать капиталистическую логику эксплуатации материального труда и фетишизации материальных ценностей. В свою очередь, сетевизация уже сегодня активно генерирует гибкие горизонтальные сети вместо централизованных иерархий, объединяющие разнородных акторов, кардинально изменяя системы государственного и производственного управления. А внедрение технологий ИИ постепенно приводит к качественным метаморфозам в механизмах принятия политических решений и в перспективе предлагает, практически, неограниченный доступ к анализируемой и обновляемой в реальном времени информации, что, вполне вероятно, поспособствует формированию более устойчивых способов распределения ресурсов.

Все это уже сейчас создает предпосылки для преодоления ограничений позднего капитализма и перехода к качественно иной системе производства и распределения благ, с новыми формами владения, присвоения, политического управления, переосмысленными понятиями прибыли и ценностей. Мир постепенно входит в эру посткапитализма и даже, как выражается политолог, профессор ВШЭ Д.Г. Евстафьев, постэкономики [3. С. 8-21], если брать за точку отсчета мировую рыночную модель конца 1990-х-2010-х гг., когда доткомы и электронные правительства казались прорывными формами организации бизнеса и политико-административной власти. При этом, его западный коллега, профессор экономики П. Сален подчеркивает [12. С. 272], что у экспертов имеются сомнения, что даже та экономическая модель была подлинно капиталистической.

Безусловно, нам сложно отрицать, что ряд взаимосвязанных процессов в рамках современной технологической революции меняет наше представление об обществе и субъектах власти. Развитие информационно-коммуникационных технологий, особенно Интернета, социальных сетей, криптоинноваций создало инфраструктурную основу для новых форм социальной координации и управления. Подъем сетевых социальных движений (например, международное «Оссиу», испанское «15-М») и коллективных проектов («Wikipedia», «Open Source») продемонстрировал возможность масштабной координации без централизованного менеджирования. А практическое использование платформ в государственном управлении, таких как «Госуслуги» в России, «GovTech» в Сингапуре, «Decidim» в Испании, городской платформы «Citizen Connect»

в американском Бостоне и «NYC311» в Нью-Йорке, «RPA» в Польше, «Estonia e-government» в Эстонии и т.д. позволяет генерировать бесшовные, гибкие и интероперабельные правительственные цифро-сетевые системы взаимодействия с гражданами.

В своей последней книге, опубликованной в 2022 г., политолог г. Киссинджер писал: «...мы достигли переломного момента: появились инновации, которые уже нельзя считать продолжением известных практик. Технология стала очень быстро менять жизненный опыт человека, цифровая революция породила не просто более мощные или более эффективные версии того, что уже существовало, а принципиально новые явления» [6. С. 27]. г. Киссинджер абсолютно прав: цифровизация и прорывные технологии информационного общества являются кардинально новыми явлениями. При этом он подчеркивает, что «цифра» и «сеть» – неразрывные с политикой и государством феномены. Действительно, цифровизация и сетевизация тесно взаимосвязаны с властью: цифровые технологии во многом делают возможной виртуализацию властных взаимоотношений и стимулируют развитие сетевых практик в политике, но, в то же время, сетевизация – это не просто технологический, а организационный, социальный сдвиг, который невозможен без имплементации и активного использования в системах власти и производства технологий, основанных на цифровом анализе данных.

Следовательно, существующие тенденции технологических преобразований, по нашему мнению, очерчивают «цифро-сетевой трек» политической трансформации властных субъектов, в том числе и государства как центрального политического института. Под этим «треком» мы понимаем особый путь эволюции политических акторов и институтов под влиянием цифровых технологий и сетевых структур коммуникации и организации. Среди ключевых элементов «цифро-сетевого трека» развития государства можно выделить:

1. Цифровизацию государственных услуг и процессов, перевод взаимодействия с гражданами и бизнесом в онлайн-режим, внедрение электронного документооборота с применением ИИ, использование Big-Data-анализа, алгоритмического и генеративного ИИ в государственном управлении.

2. Развитие сетевых форм сотрудничества государства с бизнесом, НКО, экспертным сообществом, гражданскими активистами, передачу части управленческих функций негосударственным сетевым структурам.

3. Внедрение платформенных решений, позволяющих объединять разные ветви и уровни власти, интегрировать государственные и негосударственные сервисы, вовлекать граждан в системы публичного управления.

4. Распространение сетевых форм самоорганизации общества через цифровые платформы (развитие краудсорсинга, сетевого активизма, партисипаторного бюджетирования, онлайн-петиций, коллаборативных форм управления, интерактивных сервисов и других инструментов цифровой демократии).

5. Экспериментирование с элементами алгоритмического, автоматизированного и генеративного принятия решений на основе анализа данных со стороны ИИ.

6. Изменение организационной культуры государственных органов в сторону большей транспарентности, гибкости, клиентоориентированности, работы в инклюзивных командах.

«Цифро-сетевой трек» политического развития государства, исходя не только из его технологических, но и утилитарно-аксиологических оснований, может содержать в себе реальный потенциал для выхода за пределы капитализма и перехода к посткапиталистическому обществу. Однако, горизонты новой эпохи, по нашему мнению, не являются легкодостижимыми и утопическими. С одной стороны, цифровые и сетевые технологии действительно создают возможности для более эффективного планирования и координации, например, экономической деятельности. Они позволяют собирать и анализировать данные о потребностях и ресурсах в масштабах всего общества, вовлекать людей в управление на основе прямой демократии, развивать новые некоммерческие модели производства и распределения благ (например, платформенные кооперативы, DAO, открытый исходный код). То есть, в процессе цифро-сетевой трансформации возникают ростки посткапиталистических отношений и практик, выходящих за рамки классического рыночного обмена и частнособственнической конкуренции. Государство же, как ключевой агент этой трансформации, может и должно способствовать их развитию и масштабированию.

С другой стороны, характерные для капитализма (и не только) ортодоксальные институты также адаптируются к новым технологиям и пытаются подчинить их своей логике. Мы видим, как сетевые платформы превращаются в монополии и концентрируют власть над данными [6], а автоматизация служит инструментом увеличения прибыли и контроля над работниками. Государство, зачастую, поддерживает крупный бизнес и Big Tech-корпорации, а не альтернативные модели, так как сильно зависит от технологических решений, предоставляемых IT-компаниями. Появляются сетевые движения по типу E/асс (эффективный акселерационизм [4]), требующие справедливой рыночной конкуренции с высокой дисперсией, способной высвободить технологический потенциал, например, чата GPT и прочих прорывных инноваций. Эти явления могут стать экстраполяторами посткапитализма в виде технокапиталистической сингулярности с измененными формами присвоения, эксплуатации и отчуждения, функционирующего на постинформационных форматах владения и управления, однако отличных от эпохи позднего капитализма (точно также, как, например, видоизменились формы присвоения и отчуждения в постфеодальную эпоху).

Конкретно для государства, как ключевого властного субъекта, сценарии обозначенной институциональной и технологической трансформации пророчат две инновационные модели дальнейшего развития: цифровое государство или государство как платформа и сетевое децентрализованное государство. Обе модели, по нашему мнению, противоречат классическому пониманию власти

капитала и, гипотетически, основываются на новых механизмах политического и экономического функционирования, однако формируют совершенно разные политические реальности будущего.

В таблице 1 представлен сравнительный анализ цифровой и сетевой моделей государства.

Таблица 1. Сравнительный анализ концептуальных моделей «цифровое государство-платформа» и «сетевое государство»

Характеристика	Цифровое государство-платформа	Сетевое государство
Принципы функционирования	Платформенная архитектура: государство как инфраструктура и главный регулятор	Сетевая самоорганизация и политическая децентрализация (также не существует физических границ «политических организмов»)
Цели управления	Повышение качества и доступности государственных услуг, усиленный контроль над потоками данных	Обобществление ресурсов и демократизация политического управления через социотехнические сети
Иновации и социальные эксперименты	Открытость для иноваций снизу и партнерств с частными субъектами (открытые API, краудсорсинг)	Поддержка автономных проектов и инициатив, новых социально-политических и экономических моделей организации
Экономическая система	Конвергентная, как с платформенным капитализмом, так и с «социализмом платформ»	Посткапиталистическое управление, нерыночные формы производства и распределения (одноранговая экономика)
Инфраструктура	Государство предоставляет и регулирует инфраструктуру совместно с частными технологическими корпорациями	Обобществление цифро-сетевой инфраструктуры, установление коллективных форм владения над агрегаторами данных
Роль государства	Государство как центральный, координирующий и перераспределяющий агент	Государство как один из узлов в сети социальных и экономических отношений
Система социальных отношений	Трансформация существующих общественных институтов и практик в новом технологическом контексте	Преодоление капиталистических отношений и институций, коллективное самоуправление и сетевая демократия
Координация и управление	Способствует проактивному режиму работы и интеграции данных в управлении	Внедряет распределенные механизмы координации (например, DAO)

Характеристика	Цифровое государство-платформа	Сетевое государство
Степень политического надзора	Высокая степень, реализуется через сбор данных, цифровые платформы, электронные реестры	Вариативная степень, надзор может быть ниже, поскольку упор делается на децентрализованные структуры и прозрачность
Общий политический аспект	Сохранение центральной роли государства, борьба за контроль над цифровой трансформацией	Эмансипаторный потенциал технологий в сочетании с политической борьбой за демократизацию
Риски и вызовы	Риск перерастания в «государство больших данных»; новые формы отчуждения и тотального надзора; необходимость обеспечения демократического контроля над государственными и частными платформами	Возможность формирования псевдосетевых политизированных и радикальных сообществ; риск «размытия» национального самосознания и гражданской идентичности; недостаток устойчивости сетевых сообществ

На основании проведенного анализа можно предположить, что модель цифрового государства-платформы выглядит более приближенным к действительности перспективным сценарием развития государства. По сути, мы уже живем в платформенных политических конъюнктурах, так как активно пользуемся виртуальными и интерактивными системами взаимодействия с государством и находимся под постоянным контролем цифровых сервисов. Такое государство успешно институционализируется в самых разных политических режимах, главное условие – активная цифровизация экономики и государственного управления. Но эта модель, хоть и преобразует существующие форм-факторы управления и оказания услуг в платформенные решения и «суперсервисы» [7. С. 450-458], испытывает те же фундаментальные проблемы соотношения политической власти и ее подотчетности гражданскому обществу, что и бюрократическое, реальное государство эпохи позднего капитализма, однако, с особым фактором. Этот фактор Е.О. Гаврилов называет цифровой «деформацией конституционного строя государств и ослаблением порождаемых ими правовых систем [1. С. 27-45]. Цифровые технологии вторгаются в охраняемые конституциями области публичного и частного права и вступают в противоречие с утвержденными высшими нормативными основами современных государств. В итоге цифровые инструменты контроля и надзора превалируют над конституционными гарантиями тайны частной жизни. Это требует разработки, как глобальных, так и национальных цифровых прав и обязанностей граждан и государственных органов [2].

Исходя из практической нерешенности обозначенной проблемы, предположим, что государство-платформа, вероятнее всего, постепенно будет видоизменять инструменты прямой демократии, преобразуя традиционные формы выборов за партии и кандидатов в пользу онлайн-референдумов, опросов, сбора обратной связи от граждан, цифрового рейтинга чиновников и политиков.

Иными словами, видится сценарий интенсивного развития цифровых экосистем для модернизации и перевода коммуникации гражданского общества и власти в новые форм-факторы.

Перераспределение ресурсов и благ в цифровом государстве видится, преимущественно, централизованным через госаппарат, но с привилегированным положением IT-компаний, обеспечивающих стабильную работу платформ и процессов сбора, обработки и хранения данных. Государство будет вынуждено гарантировать рост ежегодного уровня дохода и упрощенный доступ к общественным благам, но при этом получит больший контроль над экономикой и планированием, которое, скорее всего, будет осуществляться с применением алгоритмов ИИ.

Фокус деятельности платформенное государство переместит на обеспечение стабильности, безопасности, сглаживание социального неравенства, решение глобальных вызовов, но не на развитие политической конкуренции, которую трудно культивировать в условиях, когда власть данных ускоряет отчуждение граждан от принятия политических решений. Иными словами, ожидается приоритет эффективности управления, а не идеологических различий. То есть, в таком платформенном устройстве выборность парламента, подотчетность правительства, политическая конкуренция уходят на второй план, уступая место технократичности, централизации и унификации. Легитимность власти в цифровой конъюнктуре обеспечивается через перераспределение ресурсов между социальными группами, поддержание уровня жизни, а не через процедурную демократию. Это не плохо и не хорошо одновременно: свертывание политического плюрализма, установление более однородной идеологической и ценностной среды, отказ от традиционных систем сдержек и противовесов в пользу новых властных конфигураций приведет к более стабильной и спокойной политической конъюнктуре (похожей на прообраз цифрового социализма), одновременно увеличивая вероятность нарушения демократических практик и индивидуальных свобод. Возможно, именно в этой противоречивой тенденции и заложены фундамент и драйверы развития ранее не существующих моделей политического устройства.

Главный риск цифрового государства-платформы – это его превращение в так называемое «государство больших данных», где уровень контрольно-надзорного инструментария за обществом позволяет полностью дискредитировать анонимность в Сети, создавать системы круглосуточного наблюдения за частной виртуальной жизнью граждан. При этом виртуальная государственная власть не является, строго говоря, лишь государственной: цифровые потоки данных подконтрольны и сторонним акторам, например, частным сетевым платформам, имеющим, как правило, транснациональную природу и слабо подчиняющимся государственной юрисдикции [1. С. 27-45].

«Государство больших данных» генерирует вполне вероятный data-тоталитаризм или цифровую диктатуру, означающие не приход к власти внесистемных сил, а поэтапное наращивание потенциала и ужесточение контролируемости

и управляемости граждан при помощи новых технологических инструментов. В таких условиях виртуальные границы становятся столь же важными, как и физические, поскольку доступ к данным и их интерпретация определяют возможности контроля над обществом (со стороны компаний – это невиданные ранее возможности манипуляции спросом, со стороны государства – удаленное управление поведением). Информация, собираемая и анализируемая в масштабах, невозможных прежде, превращается в ключевой ресурс, с помощью которого можно не только предсказывать поведение граждан, но и активно его модулировать. Эти тенденции ставят под вопрос традиционные понимания суверенитета и права на частную жизнь, требуя переосмысления понятий безопасности, свободы и ответственности. В условиях data-тоталитаризма границы между либеральными и авторитарными режимами могут стать менее очевидными, так как контроль над информацией становится главным рычагом власти, а сама власть данных (датакратия) вызывает, как минимум, две серьезные этические проблемы недалекого будущего: манипуляцию обществом через нейрональное насилие и цифровую биополитику [11].

Однако мы не минимизируем вероятность развития второй модели – сетевой, с той лишь оговоркой, что на данный момент она выглядит технологически более труднодостижимой. Но феномен криптотехнологий, динамично развивающихся в настоящее время в области финансов и вычислительных мощностей, является многообещающим в исследуемом вопросе. Создание сетевых государств с помощью криптотехнологий подразумевает использование блокчейна и других децентрализованных технологических решений для построения общественно-политических структур и систем управления, которые могли бы функционировать вне традиционных государственных границ. Например, блокчейн позволяет конструировать системы децентрализованного управления, где решения принимаются через смарт-контракты (заменяющие традиционные юридические договоры) и распределенные автономные организации (DAO). Те же блокчейн-технологии могут, в перспективе, обеспечить безопасные и прозрачные системы голосования, где участие каждого гражданина будет зафиксировано в распределенном реестре, который невозможно взломать или фальсифицировать, а уже существующие криптовалюты, NFT, токенизированные активы могут в будущем стать основой для новой экономической системы сетевого государства.

С экономической точки зрения, тенденции к формированию сетевых «политических организмов», являются уже, достаточно, устойчивыми. Это наблюдается, как в экспериментальных макроэкономических процессах, где активно применяются криптотехнологии в управлении производствами, международных расчетах, глобальных финансовых операциях, так и в постепенных практиках легализации криптовалют в рамках нормативно-правовой регуляции экономической политики современных государств.

Но с политической точки зрения, становления сетевого государства, на данный момент, ограничено социальным восприятием самого института

государства как «физического левиафана», обладающего географическими и национальными границами и материализованными формами институциональной объективации власти, а также объективной неготовности, как элит, так и общественности к формированию параллельных реальным, виртуальных сообществ с претензией на сетевую государственность, правовой статус, суверенитет и политические особенности которых вызывают серьезные вопросы.

Также формирование сетевого государства, в отличие от государства-платформы, в обозримом будущем затрудняется отсутствием теоретических и практических политических проектов, ориентированных на сетевое государственное строительство. В политической науке и управленческой практике пока не сложилось четкого представления о том, каким должно быть сетевое государство. Существует теоретическое предположение социолога М. Кастельса, считающего, что возникновение сетевого государства обусловлено растущим противоречием между структуризацией инструментальных отношений в глобальных сетях и сокращением властных полномочий института национального государства в рамках территориальных границ [5. С. 564]. Кастельс пишет, что политическая проблема построения сетевого государства будет связана с неравновесной координацией, заключающейся в том, что сетевая связь со своими политическими кураторами, чреватая утратой собственной бюрократической автономии, и сетевая связь со своими сторонниками среди граждан, формирующая обязанность усиления открытости политической системы, будет генерировать противостояние между исторически сложившейся природой институтов, привязанных к территории и замкнутым национальным сообществам, и новыми опциями, берущими на себя функционал управления в сети [5. С. 59]. Аргументы социолога подтверждают наш тезис об ограниченности социального восприятия сетевых форм политической организации на данный момент.

В целом же, существующие представления о сетевом государстве постулируют, что его основные аспекты созвучны идеям левого акселерационизма как теоретического базиса посткапиталистического общества, которые можно реализовать через автоматизацию, алгоритмическое управление, ИИ, Big Data и криптоинновации. Например, логика сетевых технологий может способствовать формированию общественной собственности на данные и цифровую инфраструктуру; переходу к пострыночным механизмам координации, к распределению на основе показателей репутации, социального вклада, а не стоимостных индикаторов. Но постепенно появляются и альтернативные взгляды на сетевое государство, например, в одноименной работе Б. Сринивасана, где оно представляется как совершенно новая форма человеческой самоорганизации, основанная на принципах меритократии, ультрарыночных механизмах, индивидуальной свободе и блокчейне [14. Р. 474].

Исход институциональных изменений властного субъекта во многом зависит от целенаправленных усилий общества по освоению эмансипаторного потенциала «цифро-сетевого трека» и противодействию его капиталистическому и антидемократическому перерождению. Необходимо понимать, что логика

политических процессов по типу «господство – восстание – господство», наблюдаемая в рамках смены общественно-экономических формаций, всегда подавляет авангардистский дух социально-политических изменений и потенциал технологических перемен в пользу формирования новых порядков, антагонизмов и консерваций [10]. Поэтому такую логику нужно преодолеть в глобальном масштабе. Касательно посткапитализма в данном контексте, ключевыми являются вопросы о политическом контроле над данными и их присвоении. Если данные, генерируемые пользователями, монополизированы владельцами платформ (государственных или коммерческих – не столь важно) – это воспроизводит отношения эксплуатации и цифровой диктатуры. Альтернатива же – это рассмотрение данных как общего достояния, демократизация их использования и превращение в главный драйвер развития нематериальной посткапиталистической экономики и преобразования государства.

Подводя итоги, еще раз отметим, что цифровые и сетевые технологии открывают невиданные ранее возможности для новых форматов управления политическими и социально-экономическими процессами. Их потенциал уже способен оперативно реагировать на изменения конъюнктуры, более эффективно распределять ресурсы. На этих основаниях ожидается формирование элементов нового экономического уклада, в котором рыночные механизмы дополняются или даже замещаются механизмами государственного планирования или децентрализованного перераспределения. Эти преобразования, безусловно, отражаются на процессе трансформации государства как главного политического института.

Генерация нового баланса между рыночным саморегулированием и государственным вмешательством, адаптированного к реалиям цифровой эпохи, пророчит два основных сценария дальнейших институциональных изменений: сценарий «цифровое государство-платформа», основанный на использовании цифровых платформ и технологий для повышения эффективности государственного управления и стабилизации политических систем и сценарий «сетевое государство», предполагающий развитие децентрализованных сетевых структур и механизмов координации между различными акторами. Однако, ни один из сценариев, как мы выяснили, не является утопическим и каждый из них имеет противоречия и риски политической несостоятельности. Но, учитывая технологический потенциал современности, все же есть вероятность того, что данный когда-то Ф. Оппенгеймером прогноз, пророчащий, что государство со временем полностью перестанет быть «развитым политическим средством» и станет «свободным гражданством свободных людей» [9. С. 223] – реализуется в грядущую посткапиталистическую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гаврилов Е.О. Перспективы развития государства в XXI веке // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1.

2. **Дроздова А.М.** Некоторые аспекты соотношения общества и государства на современном этапе // Юридический вестник ДГУ. 2023. № 2 (66).
3. **Евстафьев Д.Г.** Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. 2021. № 2 (120).
4. «Заметки о принципах и постулатах эффективного акселерационизма» – Insolarance // <https://insolarance.com/eacc/>.
5. **Кастельс М.** Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.
6. **Киссинджер Г., Шмидт Э., Хаттенлокер Д.** Искусственный разум и новая эра человечества. М.: Альпина ПРО, 2022.
7. **Мирошниченко М.А., Городничая Д.И., Хейшхо М.Ю.** Государство как платформа: к чему ведет цифровая трансформация госуправления // Вестник академии знаний. 2023. № 2 (55).
8. «Мир в 2035 году: внизу по лестнице, ведущей вверх?» // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-v-2035-godu-vniz-po-lestnitse-vedushchey-vverkh/>.
9. **Оппенгеймер Ф.** Государство: переосмысление. М.: Проект RUSTATE.ORG, 2020.
10. «Правый посткапитализм: ожидает ли нас светлое будущее?» // Эгалите // https://teletype.in/@editorial_egalite/right_postcapitalism.
11. «Психополитика и нейрональное насилие» – Insolarance // <https://insolarance.com/psychopolitics/>.
12. **Сален П.** Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
13. **Щенина О.Г.** Топология цифровизации пространства политических отношений // PolitBook. 2024. № 2.
14. **Srinivasan B.** The Network State. Amazon Kindle, 2022.

D.A. AIRAPETYAN

Specialist of the laboratory of problems of increasing the efficiency of state and municipal administration, postgraduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics of the URIU RANEPА under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

INSTITUTIONAL PROSPECTS OF THE TRANSITION TO POSTCAPITALISM: TRANSFORMATION OF THE STATE AS A SUBJECT OF POWER IN THE ERA OF DIGITAL AND NETWORK TECHNOLOGIES

The article is devoted to the analysis of the transformation of the state as a key subject of power in the context of the transition to a post-capitalist formation, caused by the rapid development of digital and network technologies. The author examines the influence of digitalization and networkization processes on traditional mechanisms for the exercise of political power, as well as the emergence of prerequisites for overcoming the limitations of late capitalism and the formation of a new system of production and distribution of public goods. The paper provides specific examples of the impact of modern information and communication technologies on the processes of social coordination, public administration and political interaction. Particular attention is paid to the relationship between the development of digital network technologies and the transformation of government entities, primarily the institution of the state. The author notes that technological changes generate a «digital network track» of the development of state institutions and predict two innovative models of further institutional evolution: «digital platform state» and «network state». Based on a comparative analysis, the author concludes that each of the models has the potential to overcome the contradictions of late capitalism and a gradual transition to a post-capitalist system, but none of the scenarios of the «digital network track» of state development is utopian and each of them has contradictions and risks of political failure.

Key words: digitalization, networkization, institutions, state, network platforms, AI, post-capitalism, political processes.